

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЈЕР

Книги
Элиф Шафак

•
Сорок правил любви

•
Честь

•
Ученик архитектора

•
Три дочери Евы

•
10 минут 38 секунд
в этом странном мире

•
Стамбульский бастард

Элиф
Шафак

СОРОК
ПРАВИЛ
ЛЮБВИ

Роман

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
III 30

Elif Shafak

THE FORTY RULES OF LOVE

Copyright © Elif Shafak, 2010

This edition is published by arrangement
with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Людмилы Володарской

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

© Л. И. Володарская (наследники),
перевод, 2021

© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-20318-1

Пролог

Возьмите камень и бросьте его в реку. Вы можете даже не заметить, как он упадет в воду. В лучшем случае на поверхности появится легкая рябь; возможно, послышится слабый, почти заглушенный бегущим потоком всплеск. Вот и все.

Бросать камень надо в озеро. Результат будет гораздо более наглядным. Покой стоячей воды нарушится. Из того места, куда упадет камень, пойдут волны, и рябь покроет все зеркальное пространство воды. Волны достигнут берега и успокоятся нескоро.

Если камень бросить в реку, то река в своем беспокойном беге даже не обратит на него внимания. Если же камень упадет в озеро, оно уже никогда не будет прежним.

Вся сорокалетняя жизнь Эллы Рубинштейн была похожа на спокойное озеро — предсказуемая, состоящая из привычек, мелких каждодневных потребностей и их удовлетворения. И хотя кому-то это может показаться обыденным и скучным, ей самой такая жизнь не надоедала. В последние двадцать лет все ее желания, все проблемы и их решения, даже ее подруги — все было так или иначе обусловлено ее положением замужней женщины. Ее муж Дэвид, преуспевающий дантист, много работал и хорошо зарабатывал. Миссис Рубинштейн понимала, что связывающие их

чувства не являются безумной страстью, но всегда отдавала себе отчет в том, что этого и ожидать невозможно после долгих лет совместной жизни. Не на страсти держится брак, а на куда более важных вещах — на взаимопонимании, привязанности, жалости, на способности прощать. По сравнению со всем этим любовь отходит на второй план. Страсти хороши только в романах или кинофильмах.

Первое место в списке жизненных приоритетов Эллы занимали ее дети, очаровательная студентка колледжа Дженет и подростки-двойняшки Орли и Ави. Еще в семье жил двенадцатилетний золотистый ретривер Спирит, с которым Элла гуляла по утрам и который многие годы был ее веселым другом. Теперь Спирит постарел, отяжелел, совсем оглох и почти ослеп. Его жизнь шла к концу, однако Элла предпочитала не думать об этом.

Рубинштейны жили в Нортгемптоне, штат Массачусетс, в большом доме эпохи королевы Виктории, требовавшем некоторого косметического ремонта, но все еще красивом. Пять спален, три ванные комнаты, гараж на три машины, огромные окна и — самое замечательное — джакузи в саду. Рубинштейны застраховали свою жизнь, застраховали автомобили, пенсию, банковские сбережения, а еще, помимо дома, в котором жили, фешенебельную квартиру в Бостоне и апартаменты на острове Родос. Все это Элле и Дэвиду досталось не даром. Вместительный, элегантно меблированный дом для большой семьи с ароматом домашних пирогов, возможно, кому-то может показаться делом самым обычным. Но Рубинштейнам так не казалось. Для них все это было символом идеальной жизни. Они построили свой брак на разделяемых

обоими представлениях о совместной жизни и добились исполнения если не всех, то почти всех своих желаний.

В последний Валентинов день Дэвид подарил Элле бриллиантовую подвеску в форме сердечка с карточкой, в которой было написано:

Моей милой Элле — женщине со спокойным характером, щедрым сердцем и святым терпением. Спасибо за то, что принимаешь меня таким, каков я есть. Спасибо за то, что ты — моя жена.

Твой Дэвид

Элла, не признаваясь в этом Дэвиду, прочитала его записку, словно некролог. «Вот так они напишут обо мне, когда я умру», — думала она. Но будь они честными, то прибавили бы еще несколько фраз:

«Элла построила свою жизнь вокруг мужа и детей и поэтому утратила способность выживать в одиночку. Она была не из тех, кто плывет против течения. Даже поменять сорт кофе было для нее поступком едва ли не героическим».

И никто не мог понять, даже сама Элла, почему она в конце 2008 года — после двадцати лет брака — подала на развод.

Причиной была любовь.

Они жили в разных городах. И даже на разных континентах. Их разделяло не только расстояние, они и сами были разными, как день и ночь. Их жизненные принципы были до того непохожими, что казалось, им невозможно не то что полюбить, но даже терпеть присутствие друг друга. Но что случилось, то случилось. И случилось так быстро,

ЭЛИФ ШАФАК

что Элле даже не хватило времени осознать происходящее и защититься, если, конечно, можно защититься от любви.

Любовь буквально ворвалась в сердце Эллы — внезапно и бесцеремонно, как камень, упавший ниоткуда в стоячее озеро ее жизни.

Элла

17 мая 2008 года, Нортгемптон

Солнечным весенним утром за окном кухни всю распеваали птицы. Впоследствии Элла так много раз мысленно реконструировала детали произошедшего, что в конце концов оно перестало быть для нее воспоминанием и она чувствовала, будто все это продолжается.

Радуясь воскресенью и позднему совместному завтраку, все семейство сидело за столом. Муж положил в тарелку жареную куриную ножку. Ави играл ножом и вилкой, а его сестра-близнец Орли считала каждый глоток, чтобы не нарушить диету — 650 калорий в день. Дженет, учившаяся на первом курсе в расположенном неподалеку Колледже Маунт-Холиоук, намазывала хлеб сливочным сыром и, казалось, была погружена в свои мысли. Рядом с ней сидела и тетушка Эстер, которая пришла, чтобы угостить родственников своим знаменитым мраморным тортиком, и осталась с ними позавтракать. У Эллы была намечена масса дел на день, но она не спешила вставать из-за стола. В последнее время не так уж часто выпадал случай всем вместе, по-семейному, посидеть за столом, и Элла считала, что нельзя упускать такой великолепный шанс сплотить семью.

— Эстер, а Элла уже сообщила тебе свою чудово-новость? — неожиданно спросил Дэвид. — Она нашла прекрасную работу.

Хотя Элла имела степень бакалавра по английской литературе и очень любила читать, после колледжа ей не слишком повезло: приходилось довольствоваться редактированием небольших статей для женских журналов, сотрудничеством с многочисленными книжными клубами и изредка написанием рецензий для местных газет. И все. Было время, когда Элла мечтала стать известным критиком, но потом смирилась с тем, что жизнь уготовила ей другой путь, и стала заботливой матерью, погруженной в бесконечные домашние дела.

Будучи матерью троих детей, женой, хозяйкой собаки и домоправительницей, она не знала ни одной спокойной минуты. К счастью, ей не надо было зарабатывать на хлеб. Правда, подруги по Колледжу Смита не одобряли выбор Эллы, но сама она с удовольствием занималась домом и благодарила судьбу за все то, что они с мужем имели. К тому же она продолжала оставаться страстной читательницей.

Однако несколько лет назад жизнь Эллы начала меняться. Дети выросли и ясно давали понять, что больше не нуждаются в постоянной материнской опеке. Обнаружив, что у нее появилось свободное время, Элла подумала, что правильно было бы поискать работу. Дэвид поддержал жену. Правда, несмотря на бесконечные разговоры об этом, она не слишком старалась, да и предложения поступали очень редко. Когда же она все-таки приходила на собеседование, то выяснялось, что потенциальные наниматели предпочитают кого-нибудь помоложе и поопытнее. Обескураженная и немного напуганная отказами, Элла фактически прекратила поиски и пустила это дело на самотек.

Тем не менее в мае 2008 года, за две недели до своего сорокалетия, она вдруг оказалась в литературном агентстве, центральный офис которого располагался в Бостоне. Это муж нашел ей место через одного из своих клиентов или — не исключено — через одну из своих любовниц.

— Ой, да ничего особенного, не о чем и говорить, — рассказывала Элла тетушке Эстер. — Я всего лишь читаю для литературного агента, и то не полный рабочий день.

Однако Дэвид решительно пресек попытку Эллы принизить свою работу.

— Нет, это известное агентство, — настаивал он, пытаясь расшевелить жену, и, не добившись толку, сам стал развивать свою мысль. — Понимаешь, Эстер, это престижная работа. Посмотрели бы вы на других ассистентов! Все они из лучших колледжей. Элла там одна такая, которая много лет просидела дома. А теперь у нее тоже приличное положение!

Интересно, подумала Элла, неужели ее муж в глубине души считает себя виноватым в том, что она не сделала карьеру? Или совесть не дает ему покоя из-за того, что он изменяет ей? Другие объяснения его чрезмерного энтузиазма не приходили ей в голову.

— Это я называю хуцпа¹. Мы гордимся нашей мамой, — улыбаясь, заключил Дэвид.

— Она своего добьется. Всегда была такой, — произнесла тетя Эстер с таким волнением, словно племянница вдруг вышла из-за стола и навсегда покинула своих родных.

¹ *Хуцпа* — наглость, дерзость, напористость (*иврит*).

Все смотрели на Эллу с любовью. Даже Ави не решился на ироничное замечание, да и Орли задумалась о чем-то еще, кроме своей внешности. Элла оценила это, но, как ни странно, ощутила вдруг бесконечную пустоту, какой никогда прежде не знала. Ей захотелось, чтобы кто-нибудь поменял тему застольной беседы.

Дженет, старшая дочь Эллы, как будто услышала ее, потому что неожиданно вмешалась в разговор:

— У меня тоже есть хорошая новость.

Все повернулись к ней.

— Мы со Скоттом решили пожениться, — объявила Дженет. — О, я знаю, что вы все хотите сказать! Что мы еще слишком молодые, что не закончили колледж и все такое прочее. Но вы должны понять, мы оба чувствуем себя готовыми к перемене в нашей жизни.

Тягостная тишина воцарилась за кухонным столом. Только что объединявшие всех теплота и душевность как испарились. Орли и Ави озадаченно переглянулись, а тетя Эстер замерла, зажав в руке стакан с яблочным соком. Дэвид отложил вилку, как будто вдруг лишился аппетита, и, сощурился светло-карие глаза так, что в уголках глубоко прорезались морщины-смешинки, уставился на Дженет. Но он не смеялся. Лицо у него сморщилось, как будто он сделал большой глоток уксуса.

— Отлично! Я-то надеялась, что вы порадуетесь за меня, а вместо этого получила холодный душ, — протянула Дженет.

— Ты только что сказала, что собираешься выйти замуж, — произнес Дэвид, словно напоминая дочери ее слова.

— Папа, я знаю, мы немного торопимся, но Скотт вчера сделал мне предложение, и я согласилась.

— Но почему? — спросила Элла.

По тому, как Дженет посмотрела на нее, Элла поняла, что должна была задать совсем другой вопрос.

— Потому что я думаю, что люблю его, — несколько покровительственно ответила Дженет.

— Дорогая, я хотела спросить, к чему такая спешка? — пояснила Элла. — Ты беременна?

Тетя Эстер заерзала на стуле, и всем стало ясно, что она шокирована. Немного погодя она достала из кармана противокислотную таблетку и принялась ее жевать.

— Я стану дядей, — хихикнул Ави.

Элла взяла Дженет за руку и ласково погладила ее.

— Ты можешь сказать нам все. Ты же знаешь, правда? Мы будем рядом, что бы с тобой ни случилось.

— Мама, пожалуйста, хватит, — резко произнесла Дженет, вырывая руку. — Нет никакой беременности. Ты сбиваешь меня с толку.

— Я просто стараюсь тебе помочь, — спокойно отозвалась Элла, хотя это давалось ей с трудом.

— Помочь, обижая меня? Очевидно, ты думаешь, что мы со Скоттом можем пожениться только по одной причине! А тебе не пришло в голову, что я хочу, очень хочу замуж за этого парня, потому что *люблю* его? Уже восемь месяцев, как мы *встречаемся*.

Элла не удержалась от насмешки:

— Ну конечно, целых восемь месяцев! И теперь ты знаешь его как свои пять пальцев. А вот

мы с твоим отцом прожили вместе двадцать лет и все еще не слишком друг друга знаем. Восемь месяцев — ничто для серьезных отношений!

— Бог всего за шесть дней сотворил мир, — вмешался Ави, однако холодные взгляды родственников заставили его замолчать.

Чувствуя нарастающее напряжение, Дэвид не сводил внимательного взгляда со старшей дочери.

— Милая, — нахмурился, заметил он, — мама всего лишь хотела сказать, что встречаться — это одно, а жить в браке — совсем другое.

— Но, папа, ты же не считаешь, что мы можем встречаться вечно?

— Если говорить прямо, — тяжело вздохнув, произнесла Элла, — то нам хотелось бы, чтобы ты нашла кого-нибудь другого. Слишком вы оба еще молоды, чтобы вступать в серьезные отношения.

— Знаешь, мам, что я думаю? — унылым тоном, столь не похожим на ее обычный веселый голосок, спросила Дженет. — Я думаю, ты говоришь о собственных страхах. Однако, если ты вышла замуж совсем юной и родила меня, когда тебе было столько же лет, сколько мне сейчас, это не значит, что я повторю твою ошибку.

Элла покраснела так, будто дочь вlepила ей пощечину. До сих пор она не забыла свою тяжелую беременность, закончившуюся преждевременными родами. А потом ребенок потребовал от нее столько энергии и сил, что только через шесть лет Элла снова решилась на беременность.

— Малышка, мы были рады за тебя, когда ты начала встречаться со Скоттом, — осторожно произнес Дэвид, решив поменять тактику. — Он хороший мальчик. Но кто знает, какой ты станешь

через несколько лет, закончив университет? Все может перемениться.

Дженет едва заметно кивнула, мол, она приняла его слова к сведению.

— Это все потому, что Скотт не еврей?

Дэвид закатил глаза, будто не веря словам дочери. Он всегда гордился своими свободными взглядами и тщательно избегал разговоров о расах, религиях, половой принадлежности и тому подобном.

Однако Дженет была неумолима. Повернувшись к матери, она произнесла:

— Посмотри мне прямо в глаза и скажи, что, будь Скотт евреем по имени Аарон, у тебя возникли бы те же самые возражения.

Столько горечи и сарказма звучало в голосе Дженет, что Элла боялась даже подумать о том, что творится в сердце дочери.

— Родная, я буду говорить с тобой честно, даже если тебе это придется не по вкусу. Мне известно, как приятно быть молодой и любить. Поверь мне, я тоже это знаю. Однако большой риск выходить замуж за человека не своего круга. Просто, как твои родители, мы хотим быть уверены, что ты поступаешь правильно.

— Вы полагаете, что поступать правильно для вас — то же самое, что поступать правильно для меня?

Вопрос несколько смутил Эллу. Она вздохнула и потерла рукой лоб, словно у нее начиналась мигрень.

— Мама, я люблю его. Для тебя это что-то значит? Ты еще не забыла слово «любовь»? Стоит мне увидеть Скотта, и у меня сердце бьется быстрее. Я не могу без него жить.

Элла непроизвольно хмыкнула, хотя вовсе не собиралась смеяться над чувствами дочери. По непонятным для нее самой причинам она ужасно нервничала. Ссоры с Дженет у нее бывали и прежде, причем неоднократно, но сегодня у Эллы появилось ощущение, что она столкнулась с чем-то более серьезным, чем обычно, с чем-то ей до сих пор незнакомым.

— Мама, а ты сама когда-нибудь была влюблена? — спросила Дженет, и в ее тоне ясно прозвучал унизительный намек.

— Да перестань ты! Хватит витать в облаках и вернись на землю. Ты слишком... — Элла выглянула в окно как бы в поисках подходящего слова. — Ты слишком романтична, — в конце концов нашла она.

— И что в этом плохого? — обиженно переспросила Дженет.

«И в самом деле, что плохого в том, чтобы быть романтичной? — мысленно согласилась с дочерью Элла. — С чего это вдруг меня стало это раздражать?» Не в силах ответить на возникшие в голове вопросы, Элла продолжала гнуть свое:

— Послушай, милая, ты в каком веке живешь? Вбей в свою юную головку, что женщины не выходят замуж за мужчин, которых они любят. Когда приходит время, они выбирают мужчин, которые будут хорошими отцами и надежными партнерами по жизни. Любовь — приятное чувство, но оно приходит и уходит.

Закончив говорить, Элла повернулась к мужу. Медленно, как будто он находился в воде, Дэвид сцепил пальцы и стал смотреть на жену так, словно никогда прежде ее не видел.

— Я понимаю, почему ты это говоришь, — сказала Дженет. — Ты ревнуешь к моему счастью и моей молодости. Ты хочешь сделать из меня несчастную домохозяйку. Ты хочешь, мама, чтобы я стала похожа на тебя.

У Эллы появилось странное ощущение тяжести в животе. Неужели она несчастная домохозяйка? Средних лет мамаша, пойманная в капкан брака? Значит, так дети воспринимают ее? И муж тоже? А друзья и соседи? У нее вдруг возникло чувство, что все втайне жалеют ее, и это чувство было таким острым, что у Эллы перехватило дыхание.

— Ты должна извиниться перед мамой, — сказал Дэвид, с мрачным видом повернувшись к старшей дочери.

— Да ладно. Не надо извиняться, — удрученно произнесла Элла.

Дженет искоса бросила на мать насмешливый взгляд, потом отодвинула стул, швырнула на стол салфетку и вышла из кухни. Почти сразу же за ней в полном молчании последовали Орли и Ави, то ли выражали солидарность со старшей сестрой, то ли им наскучили взрослые разговоры. Тетя Эстер что-то неразборчиво бормотала, дожевывая последнюю таблетку.

Дэвид и Элла продолжали сидеть за столом, ощущая опасную напряженность, которая повисла в воздухе. Элле стало не по себе: она чувствовала, что эта напряженность не имеет отношения к Дженет.

Схватив вилку, которую недавно отложил, Дэвид принялся с преувеличенным вниманием рассматривать ее.

— Должен ли я сделать вывод, что ты вышла замуж не за того человека, которого любила?

— Ох, пожалуйста, я совсем не это имела в виду.

— Тогда что ты имела в виду? — спросил Дэвид, не отрывая взгляда от вилки. — Мне казалось, ты любила меня, когда согласилась стать моей женой.

— Я любила тебя... тогда, — проговорила Элла не в силах вовремя остановиться.

— И когда же ты перестала меня любить? — бесстрастно переспросил Дэвид.

Элла удивленно посмотрела на мужа, как будто увидела его впервые. Когда я перестала его любить? Этого вопроса она никогда себе не задавала. Она хотела ответить, но не могла, не могла подобрать подходящие слова. В глубине души Элла осознавала, что тревожиться надо больше о них с мужем, а не о детях, но вместо этого они делают то, что у них всегда лучше всего получалось, — пускают жизнь на самотек. Рутинная жизнь побеждает.

И Элла заплакала, не в силах удержать привычную грусть, которая стала уже частью ее натуры. Дэвид со страдальческим видом отвернулся. Оба знали, что он ненавидит, когда она плачет, а она ненавидит плакать в его присутствии. К счастью, зазвонил телефон, спасая их от дальнейших объяснений.

Дэвид снял трубку:

— Привет... да, она рядом. Подождите, пожалуйста.

Элла постаралась взять себя в руки и заговорила так, словно у нее отличное настроение:

— Да. Это я.

— Привет. Говорит Мишель. Извините, что беспокоила вас обоих в выходной, — прощebetал юный женский голос. — Но вчера Стив попросил меня связаться с вами, а я забыла. Вы уже начали работать над рукописью?

— А... — вздохнула Элла, только теперь вспомнив о своих служебных обязанностях.

Ее первым заданием в литературном агентстве было прочитать роман неизвестного европейского автора, после чего предстояло написать пространственный отчет.

— Передайте ему, чтобы не беспокоился. Я уже начала читать, — солгала Элла. Ей ни за что не хотелось, получив первое задание, разочаровать Мишель.

— Ну и отлично. Как он вам?

Элла помолчала, собираясь с мыслями. Она еще не прикоснулась к рукописи и знала только то, что это исторический роман, в центре которого образ знаменитого поэта-мистика Руми¹, считающегося, как сказали Элле, «Шекспиром исламского мира».

— Ну... он очень... *мистический*, — хмыкнула Элла, надеясь шуткой закрыть тему.

Однако Мишель было не до шуток.

— Правильно, — тусклым голосом произнесла она. — Послушайте меня. Возможно, вам понадобится больше времени на написание рецензии, чем мы думали...

¹ *Джалаладдин Руми* (1207–1273) — персидский поэт-суфий, автор лирического «Дивана», философских трактатов, поэмы «Месневи и манави», содержащих основные положения суфизма. — *Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, прим. перев.*

В телефоне слышались невнятные голоса, тогда как голос самой Мишель куда-то пропал. Элла представила, как Мишель делает сразу несколько дел — проверяет электронную почту, читает рецензию на работу одного из своих авторов, ест сэндвич с тунцом и салатом, полирует ногти — и при этом говорит по телефону.

— Вы слушаете? — спросила Мишель минутой позже.

— Да-да.

— Хорошо. Знаете, у меня тут сумасшедший дом. Я уже ухожу. Просто помните, что у вас три недели.

— Я помню, — резко произнесла Элла, стараясь казаться более уверенной в себе. — Я успею.

На самом деле Элла не была так уж уверена в том, что хочет оценивать рукопись. Поначалу она была нетерпеливой и самонадеянной. Ее волновала мысль о том, что она первой прочитает неопубликованный роман неизвестного автора и сыграет пусть незначительную, но все же некую роль в его судьбе. А теперь она сомневалась, что сможет сосредоточиться на предмете, столь далеком от ее собственной жизни, как суфизм и далекий тринадцатый век.

Наверное, Мишель уловила ее сомнения.

— Вас что-то беспокоит? — спросила она. Ответа не последовало, и она стала более настойчивой. — Вы можете говорить со мной откровенно.

Помолчав еще немного, Элла решила сказать Мишель правду:

— Просто я не очень уверена, что смогу сконцентрироваться на историческом романе. Мне интересен Руми, и все такое, но все же этот предмет

совершенно мне незнаком. Может быть, вы дадите мне другой роман — знаете, что-нибудь попроще.

— Странный подход к делу, — фыркнула Мишель. — Думаете, вам будет проще с книгами, о которых вы имеете некоторое представление? Ничего подобного! Вы не можете рассчитывать на редактуру рукописей исключительно массачусетских авторов оттого только, что вы живете в этом штате.

— Я не это имела в виду... — проговорила Элла и тотчас же сообразила, что сегодня слишком часто повторяет эту фразу. Она повернулась к мужу, желая понять, обратил ли он на это внимание, но по лицу Дэвида ничего не было заметно.

— Как правило, мы читаем книги, которые не имеют ничего общего с нашей собственной жизнью. Такая уж у нас работа. На этой неделе мне досталась книга иранской писательницы, которая раньше держала бордель в Тегеране и была вынуждена бежать из страны. Надо было сказать ей, чтобы она послала рукопись в иранское агентство?

— Нет, конечно же, — пробормотала Элла, чувствуя себя глупой и к тому же виноватой.

— Разве сила настоящей литературы не в том, чтобы объединять людей и континенты?

— Да, вы правы. Знаете, забудьте все, что я наговорила. Моя рецензия будет лежать на вашем столе в оговоренный срок, — произнесла Элла, ненавидя Мишель за то, что та вела себя с ней как с глупой гусыней, а себя — за то, что позволила ей это.

— Прекрасно, так держать, — певуче заключила Мишель. — Не поймите меня неправильно, но думаю, вам лучше не забывать о десятках людей, которые были бы не прочь занять ваше место.

И кстати, большинство из них вдвое моложе вас. Полагаю, это хорошая мотивация.

Когда Элла положила трубку, то заметила, что Дэвид сосредоточенно наблюдает за ней. Похоже, он ждал, что они начнут выяснение отношений с того места, на котором их прервали.

Позднее, ближе к вечеру, Элла сидела на крыльце дома в своем любимом кресле-качалке и смотрела на оранжево-красный заход солнца над Нортгемптоном. Небо казалось близким, как будто до него нетрудно было дотянуться рукой. Мысли Эллы приняли обычное направление: Орли плохо ест. У Ави неважные оценки. Спирит все слабеет. Дженет со своими матримониальными планами, тайные интрижки Дэвида, отсутствие любви... Все эти привычные домашние неприятности Элла мысленно разложила по отдельным ящичкам и надежно заперла до будущих времен.

Затем она вынула рукопись из конверта и подержала ее на ладони, словно взвешивая. Название романа автор написал на конверте синими чернилами: «Сладостное богохульство».

В агентстве Элле сказали, что никто ничего об авторе не знает — некто А. З. Захара, который живет в Голландии. Рукопись отправлена в агентство из Амстердама, а в конверте имелась еще почтовая карточка, вся лицевая сторона которой была разрисована тюльпанами — розовыми, желтыми, красными. На обратной стороне изящным почерком было написано:

Дорогой сэръ /мадам!

Приветствую Вас из Амстердама. История, которую я посылаю Вам, имела место в Конье, что

в Малой Азии. Однако лично я верю, что она актуальна для всех стран, культур и веков.

Надеюсь, у Вас найдется время прочитать «Сладостное богохульство», исторический и мистический роман об удивительных узах, связавших Руми, величайшего поэта своего времени и почитаемого исламского духовного лидера, с дервишем Шамсом из Тебриза, вся жизнь которого была полна скандалов и неожиданностей.

Пусть любовь всегда пребудет с Вами и Вы всегда будете окружены любовью.

А. З. Захара

Элла поняла, что именно эта записка вызвала любопытство литературного агента. Однако у Стива не было времени читать рукопись писателя-любителя, поэтому он передал ее своей заместительнице Мишель, а та в свою очередь отдала ее своей новой ассистентке. Вот так «Сладостное богохульство» оказалось у Эллы.

Элла и понятия не имела, что эта книга станет не просто ее первой работой, а перевернет всю ее жизнь. Что рукопись Захары изменит ее судьбу.

Элла открыла первую страницу. Прочитала сведения об авторе:

«Когда А. З. Захара не путешествует по миру, он живет в Амстердаме в окружении книг, кошек и черепах. „Сладостное богохульство“ — первый роман Захары и, скорее всего, последний. У него нет намерения становиться профессиональным писателем, и эту книгу он сочинил исключительно из чувства восхищения и любви к великому философу, мистiku и поэту Руми и его солнцу¹ Шамсу Тебризи».

¹ Имя Шамс означает «солнце».

Ее взгляд скользнул ниже, и она прочитала нечто, показавшееся ей на удивление знакомым:

«Вопреки мнению многих любовь не только сладостное чувство, которое неожиданно приходит и быстро уходит».

Элла от удивления даже приоткрыла рот, настолько прочитанное противоречило тому, что она утром за завтраком сказала старшей дочери. На мгновение она замерла, потом вздрогнула от странной мистической мысли: некая сила или навязанный ей автор, кем бы он ни был, следят за ней. Возможно, он написал свою книгу, заранее зная, кто будет ее первым читателем. Он имел ее в виду, когда писал роман. По какой-то непонятной причине Элла встревожилась и разволновалась.

«По многим параметрам двадцать первый век не очень отличается от тринадцатого. Оба останутся отмеченными в истории беспрецедентными религиозными разногласиями, взаимным непониманием культур, общим ощущением незащищенности и страхом перед потусторонним миром. В такие времена любовь нужна людям больше чем когда бы то ни было».

Вдруг прохладный и сильный порыв ветра бросил на крыльцо упавшие листья. Солнце ушло за горизонт, и все вокруг стало скучным и безрадостным.

«Любовь есть суть и цель жизни. Как напоминает нам Руми, она поражает всех, даже тех, кто остерегается ее, даже тех, для кого слово „романтический“ имеет негативный смысл».

Элла удивилась так, словно прочитала: «Рано или поздно любовь поражает всех, даже домохо-

СОРОК ПРАВИЛ ЛЮБВИ

зайку средних лет из Нортгемптона по имени Эл-ла Рубинштейн».

Внутреннее чувство подсказывало ей, что надо отложить рукопись, позвонить Мишель и сказать ей, что она не будет писать об этом романе. Но вместо всего этого Элла тяжело вздохнула, перевернула страницу и стала читать.

Шафак Э.

Ш 30 Сорок правил любви : роман / Элиф Шафак; пер. с англ. Л. Володарской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 416 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-20318-1

Любовь — вода жизни. Влюбленные — огонь души. Вся вселенная начинает кружиться иначе, когда огонь влюбляется в воду.

XIII век. В маленьком городке Конья, в городке, куда с запада не дошли крестоносцы после разграбления Константинополя и куда с востока не докатились орды Чингисхана, «несколько истинно верующих» нанимают убийцу по прозвищу Шакаля Голова для устранения Шамса Тебризи, странствующего дервиша, проповедующего «сорок правил религии любви». Ведь известно, чем больше человек говорит о любви, тем сильнее его ненавидят...

Наши дни. США. Элла Рубинштейн, работающая в литературном агентстве, получает на рецензию рукопись «Сладостное богохульство», действие которой происходит в XIII веке. Роман настолько захватывает Эллу, что она начинает подозревать, что автора непостижимым образом вдохновил герой романа Шамс из Тебриза. И вот любовь к автору книги врывается в ее сердце, полностью переворачивая привычную и такую милую ей жизнь...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ЭЛИФ ШАФАК
СОРОК ПРАВИЛ ЛЮБВИ

Ответственный редактор Ольга Рейнгеверц

Художественный редактор Илья Кучма

Технический редактор Татьяна Раткевич

Корректор Анна Быстрова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 14.10.2021. Формат издания 84 × 100¹/₃₂.

Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 20,28.

Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-ABA-29169-01-R